

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ
ХИТЫ ТЕЙЛОР ДЖЕНКИНС РЕЙД

Taylor Jenkins Reid

MAYBE
IN ANOTHER LIFE

ТЕЙЛОР ДЖЕНКИНС РЕЙД

ВОЗМОЖНО,
В ДРУГОЙ ЖИЗНИ

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р35

Taylor Jenkins Reid
MAYBE IN ANOTHER LIFE

Copyright © 2015 by Taylor Jenkins Reid
This edition published by arrangement with Taryn
Fagermess Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Нины Лебедевой*

Оформление серии и переплета:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Рейд, Тейлор Дженкинс.

Р35 Возможно, в другой жизни / Тейлор Дженкинс
Рейд ; [пер. с англ. Н. Лебедевой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-103160-2

В свои двадцать девять лет Ханна понятия не имеет, чего хочет от жизни. Она жила в шести городах и сменила бесчисленное количество работ. После возвращения в Лос-Анджелес в один из вечеров она встречается в баре с подругой детства и своим бывшим парнем. После полуночи оба предлагают ей покинуть заведение. Ханна колеблется. Что будет, если она пойдет с Габби? А если с Итаном?

С этого момента ее жизнь развивается по двум разным сценариям. Ханна переживает последствия каждого решения.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-103160-2

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Эрин, Джулии, Саре, Тамаре
и всем прочим женщинам,
с которыми меня свела судьба.
Пусть нам повезет встретиться
в других вселенных*

Хорошо, что я забронировала место у прохода, ведь я, как водится, самая последняя. Опаздывать вошло у меня в привычку. Потому-то я и выбрала сиденье с краю — ненавижу, когда людям приходится вскакивать, чтобы пропустить меня. Я и в кинотеатре не бегаю в туалет... предпочитаю терпеть до конца.

Я иду по проходу, крепко прижимая к себе сумку — не дай бог кого-нибудь задеть! Свое место я вижу сразу. Только оно и осталось свободным.

В самолете душно. Народ о чем-то переговаривается вокруг, распахивая свои вещи.

Я усаживаюсь на место, приветливо улыбнувшись соседке. Она явно старше меня. Чуть полновата, волосы с проседью. Я ставлю перед собой сумку и пристегиваюсь. Поднос поднят, спинка сиденья тоже. Все это дело нескольких секунд. Когда регулярно опаздываешь, знаешь, как наверстать время.

Я смотрю в окно. Грузчики кутаются в теплые куртки. Счастье еще, что я переселяюсь в город с более мягким климатом. Я беру журнал и принимаюсь рассеянно его листать.

Наконец до меня доносится гул мотора. Самолет начинает разбег. Моя соседка судорожно сжимает ручки

кресла. Такое чувство, что от испуга она просто окаменела.

Сама я не боюсь летать. Меня пугают акулы, ураганы и прочие неприятные вещи. Еще я боюсь, что так и потрачу свою жизнь впустую. Но летать мне ни капельки не страшно.

У соседки от напряжения даже костяшки пальцев побелели.

— Похоже, полеты — не ваш конек? — спрашиваю ее я. Когда мне страшно, разговор помогает снять напряжение. Почему бы и ей не отвлечься немного?

— Увы, — с сожалением улыбается она. — Я не часто выбираюсь из Нью-Йорка. Это мой первый полет в Лос-Анджелес.

— Ну а я летаю чаще частого и могу сказать, что только посадка и взлет даются нелегко. Около трех минут в начале и пять минут в конце. А в остальном похоже на поездку в автобусе. Восемь неприятных минут, и вы в Калифорнии.

Самолет накренился, взлетая. По проходу покати-лась чья-то бутылка из-под воды.

— Всего восемь минут? — переспрашивает соседка.

— Именно, — киваю я. — Вы сами из Нью-Йорка?

Она кивает в ответ.

— А вы?

— Жила какое-то время в Нью-Йорке, —жимаю я плечами. — Теперь возвращаюсь в Лос-Анджелес.

Самолет теряет на мгновение высоту, после чего выравнивает полет. Соседка судорожно вздыхает. Признаться, даже я чувствую легкую тошноту.

ВОЗМОЖНО, В ДРУГОЙ ЖИЗНИ

— В Нью-Йорке я провела всего девять месяцев, — чем больше я говорю, тем меньше она отвлекается на тряску. — Мне пришлось много помотаться по стране. Училась я в Бостоне, потом перебралась в Вашингтон, потом в Портленд, штат Орегон. Затем были Сиэтл, Остин и Нью-Йорк. Город, в котором сбываются мечты... Увы, только не мои. Но выросла я в Лос-Анджелесе и теперь, так сказать, возвращаюсь к истокам. Не уверена, правда, могу ли я назвать этот город своим домом.

— А где ваши близкие? — Она все так же смотрит вперед, изо всех сил вцепившись в подлокотники.

— Родители уехали в Лондон, когда мне было шестнадцать. Мою младшую сестру Сару приняли в Королевскую школу балета, и они не могли упустить такой шанс. Ну а я осталась заканчивать школу в Лос-Анджелесе.

— Вы что, жили совсем одна?

Похоже, сработало. Она все-таки отвлеклась.

— Я жила у своей лучше подруги, пока не закончила школу. А потом поступила в университет и уехала в Бостон.

Самолет выравнивается, и нам тут же объявляют, что высота набрана. Моя соседка облегченно откидывается на спинку кресла.

— Видите? — говорю я. — Все равно что прокатиться на автобусе.

— Спасибо, — улыбается она.

— Всегда пожалуйста. — Я снова берусь за журнал.

— Почему вы так часто переезжаете с места на место? Вас это не утомляет? — спрашивает она и тут же

смеется над собой. — Смотри-ка, стоило мне успокоиться, и я сразу повела себя как заботливая мамочка.

— Нет-нет, все в порядке, — улыбаюсь я.

Я и правда часто меняю города, но делаю это не специально. Мною движет неотвязное чувство — ощущение того, что это не мое место.

Всегда кажется, что где-то еще мне будет лучше.

— Даже не знаю, — произношу я. Трудно облечь свои чувства в слова, тем более когда говоришь с незнакомкой. Внезапно я решаюсь.

— Я нигде не чувствую себя как дома.

— Сочувствую, — говорит она, — должно быть, это нелегко.

Я пожимаю плечами. В конце концов, это только импульс. Именно он побуждает меня бросать плохое, устремляясь к чему-то лучшему.

Впрочем, я уже давно не в восторге от своих импульсов. Что, если они заведут меня куда-нибудь не туда?

И тут — раз уж мы все равно больше не увидимся — я вываливаю на соседку то, что сама осознала лишь недавно.

— Боюсь, мне так и не найти место, которое я смогла бы назвать домом.

Она легонько похлопывает меня по руке.

— Вы еще так молоды. У вас впереди масса времени.

Мне двадцать девять. Или она считает, что это еще не возраст, или я выгляжу моложе своих лет.

— К концу полета, когда самолет пойдет на посадку, мы сможем обсудить мою незадавшуюся ка-

ВОЗМОЖНО, В ДРУГОЙ ЖИЗНИ

рьеру, — со смехом говорю я. — Это хоть немного отвлечет вас.

— Буду весьма признательна, — с улыбкой отвечает она.

* * *

Я делаю шаг за ворота терминала и сразу вижу Габби. В руках у нее табличка с надписью «Ханна Мария Мартин», как будто я без того не знаю, кто повезет меня домой.

Рядом с именем Габби изобразила некое подобие моего портрета. Получилось грубовато, но довольно точно. У Ханны с ее рисунка большие глаза, длинные ресницы и крохотный носик. Волосы на голове затянуты в высокий пучок. Вместо фигуры — палочка, к которой пририсована большая грудь.

Не то чтобы это соответствовало моему представлению о самой себе, но если свести мой образ к карикатуре, я буду высоким пучком волос и большой грудью. Как Микки-Маус — это круглые ушки и руки в перчатках, а Майкл Джексон — белые носки и черные туфли.

Я бы предпочла, чтобы портрет отобразил мои темно-каштановые волосы и светло-зеленые глаза, но о каких цветах может идти речь, когда рисуешь черным маркером?

В гостях у Габби я не была уже года два — с момента ее свадьбы. Но каждое воскресенье, несмотря на предстоящие дела или вчерашнее похмелье, мы болтали с ней в видеочате. Ничего надежнее и стабильнее в моей жизни просто не было.

Габби худенькая, как тростинка. Волосы коротко острижены, на теле — ни грамма жира. Прижимая ее к себе, я вновь поражаюсь тому, до чего же странно обниматься с кем-то, кто гораздо ниже тебя. Со стороны мы, должно быть, выглядим очень забавно. Я высокая, фигуристая, белокожая. Габби низенькая, худенькая, с темной кожей.

Даже без макияжа Габби выглядит как картинка. Но я ей об этом не говорю, потому что и без того знаю, что услышу в ответ. Какая разница, возразит она. Нет смысла осыпать друг друга комплиментами или соревноваться за то, кто из нас привлекательнее. Надо сказать, что по сути она права.

С Габби мы познакомились, когда нам было по четырнадцать. В старших классах нас усадили за одну парту. Подружились мы практически мгновенно и с тех пор были неразлучны. Габби и Ханна, Ханна и Габби. Наши имена все время звучали вместе.

Я перебралась жить к ее родителям, Карлу и Тине, когда моя собственная семья переехала в Лондон. Карл и Тина обращались со мной как с родной дочерью. Они помогали мне с подготовкой в университет и следили за тем, чтобы я всегда выполняла домашние задания. Карл надеялся, что когда-нибудь я стану доктором — как он сам и его отец. К тому моменту он уже понял, что его родная дочь не пойдет по его стопам. Габби решила заняться общественной деятельностью. Тина, в отличие от него, поощряла мои поиски собственного пути в жизни. К несчастью, я до сих пор не знаю, что это за путь. Тогда же мне казалось, что все сложится само собой.

А потом мы разъехались по разным университетам. Габби в Чикаго, я в Бостон. Мы по-прежнему часами болтали по телефону, но при этом начали выстраивать свою, независимую жизнь. Габби в скором времени сдружилась с Ванессой, еще одной темнокожей студенткой. Она рассказывала мне про их поездки в торговый центр, про веселые студенческие вечеринки. Я даже забеспокоилась, что Ванесса может занять мое место в сердце Габби, что их дружба затмит нашу.

— Думаешь, Ванесса понимает тебя лучше, чем я? — вырвалось как-то у меня. — Потому что вы обе темнокожие.

В ту же секунду щеки у меня заалели от стыда. Будь мои слова чем-то вещественным, я бы сразу запихала их обратно.

Габби только посмеялась надо мной.

— Ты думаешь, люди с белой кожей понимают тебя лучше, чем я, только потому что они белые?

— Нет. Конечно, нет.

— Ну и успокойся.

Так я и сделала. Габби всегда знала, когда мне стоит успокоиться. По правде говоря, это единственный человек, который разбирается во мне лучше меня самой.

— Вряд ли я ошибусь, — замечает она теперь, — если скажу, что нам потребуется одна из этих вместительных тележек, чтобы забрать все твои вещички.

Я невольно улыбаюсь.

— В свое оправдание могу сказать, что переезжаю с одного конца страны на другой.

Я уже давно перестала покупать мебель и начала снимать квартиры с полной обстановкой. Что толку

приобретать ту же кровать, если через полгода ты вынуждена продать ее за бесценок? Выброшенные на ветер деньги. Но кое-какие из моих вещичек сумели пережить эти бесконечные метания по стране. Было бы жестоко избавиться от них прямо сейчас.

— Хочешь угадаю? Наверняка тут не меньше четырех флаконов апельсиново-коричного лосьона для тела, — говорит Габби, забирая с ленты одну из моих сумок.

— Всего одна. Я здорово поиздержалась.

Лосьоном для тела я начала пользоваться в старших классах. С Габби мы бродили от магазина к магазину, принюхиваясь к разным запахам. Но в итоге я всегда выбирала один и тот же — апельсиново-коричный. Один раз, помню, у меня на полке выстроилось сразу семь флаконов.

Уложив наконец все мои сумки на тележку, мы направляемся в сторону парковки. Тут мы перекладываем все в крохотный автомобильчик Габби, а затем и сами устраиваемся на сиденье.

По пути мы беседуем о всякой всячине. Габби спрашивает, как прошел перелет, и спешит извиниться за то, что гостевая комната у нее слишком маленькая. Я, в свою очередь, благодарю ее за то, что вообще согласилась приютить меня.

История повторяется. Прошло больше десяти лет, а мне вновь приходится рассчитывать на гостеприимство Габби и ее близких. Только теперь это не родители Габби, а ее муж Марк. Именно это обстоятельство, как никакое другое, подчеркивает разницу между нами. За прошедшие годы Габби вышла замуж и сделала непло-

хую карьеру. А я? Я все еще официантка. Причем не очень хорошая.

Как только мы выезжаем на шоссе, и Габби понимает, что деваться мне уже некуда, она тут же спешит задать вопрос, который давно крутится у нее на языке.

— Так что случилось? Ты сказала ему, что уезжаешь?

— Ему известно, что я не хочу его видеть, — говорю я, не глядя на нее. — Так какая разница, знает он о моем отъезде или нет?

Габби одобрительно кивает.

Больше всего я нуждаюсь сейчас в ее одобрении. На свое мнение мне трудно полагаться. Обстоятельства в последнее время складывались так, что я едва не утратила уважение подруги.

А все потому, что стала встречаться с женатым мужчиной.

Поначалу я не знала, что он женат. Сам-то он об этом и словом не обмолвился. Про таких говорят, прирожденный лжец. Признаться, я быстро заподозрила истину, но предпочла оставить все как есть.

Как-то раз он в течение недели не отвечал на мои звонки. А потом объявился как ни в чем не бывало. Я заподозрила, что у него есть другая, когда он не разрешил мне воспользоваться своим телефоном. Я догадалась, что я и есть другая, когда в одном из ресторанов он встретил своего коллегу, но вместо того, чтобы познакомить нас, под благовидным предлогом увел меня из зала.

Конечно, Габби тоже было обо всем известно. Я не стала скрывать от нее своих подозрений.